

Оглавление

Благодарности.	6
Предисловие.	8
Глава 1. Я, я из Мичигана	11
Глава 2. Паук и Сын.	31
Глава 3. Школа «Фэйрфакс»	63
Глава 4. Под полуденным солнцем	90
Глава 5. Глубокое проникновение	113
Глава 6. Red Hot	150
Глава 7. Год Сурка	176
Глава 8. «The Organic Anti–Beat Box Band»	218
Глава 9. Реформация	246
Глава 10. Funky Monks	269
Глава 11. Извращенный	299
Глава 12. Через стену.	343
Глава 13. Прозрение	382
Глава 14. Добро пожаловать в Californication.	409
Глава 15. Момент ясности.	450

Посвящается Биллу и Бобу.

Благодарности

Энтони Кидис хотел бы поблагодарить:

Ларри Ратсо Сломана за постоянное и искреннее внимание к тем, кого он втянул в эту историю. Его любознательность внесла поистине неоценимый вклад в проект, но гораздо важнее — его забота и внимание к другим людям. Благослови Бог этого талантливое человека и его крутейший стиль.

Также спасибо коллегам по группе, членам семьи, друзьям, врагам, сторонникам, клеветникам, учителям, нарушителям спокойствия и Богу за то, что эта история стала реальностью. Я люблю вас всех.

Ларри Сломан хотел бы поблагодарить:

Энтони за невероятную искренность, откровенность, хорошую память и чистосердечность.

Мишель Дюпон за чай, сочувствие и все остальное.

Дэвида Вильяно, Суперагента.

Боба Миллера, Лесли Уэллса, Мюриэль Тебид и Элайзу Ли из Nuregion.

Антонию Ходжсон и Мэдди Могфорд из Англии.

Бо Гарднера и Ванессу Хадибрата за всю их помощь — как по первому зову, так и вообще без него.

Блэки Дэммета и Пегги Айдему за их великодушное среднезападное гостеприимство.

Гарри и Сэнди Циммерман и Хоуп Ховард за лос-анджелесское гостеприимство.

Майкла Симмонса за EMS.

Всех друзей и коллег Энтони Кидиса, которые потратили так много времени на воспоминания, особенно Фли, Джона Фрусшанте, Рика Рубина, Гая О, Луи Матье, Шерри Роджерс, Пита Вайсса, Боба Форреста, Ким Джонс, Иона Скай, Кармен Хоук, Джейми Ришара, Йохану Логан, Хайди Клум, Линди Гоекса, Эрика Гринспэна, Джека Шермана, Джека Айронса, Клиффа Мартинеса, Д. Х. Пелигро, Марка Джонсона, Дика Руда, Гэйджа, Брендена Маллена, Джона Почна, Кита Бэрри, Кита Морриса, Алана Башара, Гэри Аллена, Дэйва Джердена, Дэйва Ратта, Трипа Брауна, группу Tequila Mockingbird, Дедушку Теда, Джулию Симмонс, Дженнифер Корман, Нэйта Оливера, Донда Бастона, Криса Хоя, Плезант Джеман, Айрис Берри, Сат Хари и Аву Стэндер.

Клиффа Бернштейна, Питера Мэнша и Гэйл Файн из Q-Prime.

Джилл Мэтсон, Акашу Желани и Бернадетт Фьореллу за невероятное умение транскрибировать.

Langer's за лучшую копченую говядину к западу от Второй авеню.

Митча Бланка и Джеффа Фридмана за срочный ремонт диктофона.

Люси и Бастера за составленную компанию, хоть и собачью.

Но больше всех — мою восхитительную жену Кристи, которая поддерживала домашний очаг.

Предисловие

Я сижу на диване в гостиной моего дома на Голливудских холмах. Сегодня ясный, морозный январский день, и с моего удобного расположения открывается великолепный вид на раздолье, известное как долина Сан-Фернандо. Когда я был моложе, подобно остальным обитателям Голливудских холмов верил, что в Долине оседают все неудачники, так и не пробившиеся в Голливуд. Но чем дольше живу здесь, тем больше убеждаюсь, что это самое душевное и тихое место, которое только можно отыскать в Лос-Анджелесе. Каждое утро я первым делом смотрю на завораживающие горные вершины, покрытые снегом.

Звонок в дверь возвращает меня к реальности. Несколько минут спустя прекрасная девушка входит в комнату, держа в руке кожаный чехол. Она открывает его и начинает настраивать оборудование. Закончив приготовления, натягивает стерильные резиновые перчатки и садится рядом на диван.

Изящный стеклянный шприц вручную изготовлен в Италии. Он присоединен к пластиковой, похожей на макаронину-спагетти трубочке с микрофильтром, гарантирующим непопадание в мою кровь каких-нибудь примесей. Игла инновационная — абсолютно стерильный и супертонкий вариант.

Сегодня она забыла медицинский жгут, поэтому перетягивает мне правую руку своим розовым в сеточку чулком. Смазывает проспиртованным тампоном вену и втыкает иглу. Кровь начинает просачиваться в пластиковую трубочку, за-

тем девушка медленно вводит содержимое шприца в мой кровяной поток.

Я тут же чувствую знакомую тяжесть в середине груди, поэтому просто откидываюсь на спинку дивана и расслабляюсь. Раньше мы делали четыре инъекции за раз, теперь я сократил количество до двух. Снова наполнив шприц и сделав второй укол, она убирает иглу, достает чистый тампон и с силой прижимает к месту укола почти на минуту, чтобы на моих руках не осталось кровоподтеков или шрамов. После ее процедур никогда не остается следов. Наконец она приклеивает тампон к моей руке кусочком пластыря.

А дальше мы сидим и говорим о трезвости.

Три года назад в этом шприце мог оказаться героин China White. Я годами сам наполнял шприцы и накачивал себя кокаином, амфетаминами, героином Black Tar, персидским, однажды даже вколол ЛСД. Сегодня инъекции мне делает моя прекрасная медсестра, которую зовут Сат Хари. Субстанция, которую она вводит мне в кровь — озон, восхитительно пахнущий газ, уже много лет легально использующийся в Европе для лечения всего, от инсультов до рака.

Я принимаю озон внутривенно, потому что когда-то все мои эксперименты с наркотиками закончились гепатитом С. Узнав о болезни где-то в начале 90-х, я немедленно изучил все с ней связанное и нашел режим питания, основанный на травах, которые чистят печень и борются с гепатитом. И это сработало. Мой доктор был шокирован, когда анализ крови оказался отрицательным. А озон — просто профилактическая мера, чтобы быть уверенным: вирус не вернется.

Годы и годы опыта и самокопания привели меня к той точке, где я втыкаю себе иглу в вену, чтобы вывести отраву из организма, а не ввести ее туда. И несколько не жалею о своей юношеской опрометчивости. Я большую часть жизни провел в поисках быстрого кайфа и хорошего прихода. Принимал наркотики с малолетними мексиканскими преступниками под съездами с автомагистралей, принимал их и в гостиничных но-

мерах, стоящих по штуке баксов в день. Ну а теперь пью витаминизированную воду и ем дикую, а не искусственно выращенную лососину.

Вот уже двадцать лет я объединяю свою любовь к музыке и написанию песен со вселенским потоком творчества и духовности, создавая с моими братьями — с теми, кто до сих пор со мной, и с теми, кого уже нет, — наш уникальный звуковой хаос в Red Hot Chili Peppers. Это мой рассказ о тех временах, а еще история мальчишки из Гранд-Рapidс, штат Мичиган, который перебрался в Голливуд, чтобы приобрести больше, чем мог удержать. И это моя история, линии моих шрамов.

Глава 1

Я, я из Мичигана

Я вспомнил о шоу в Аризоне, когда уже третий день кряду нюхал кокс с мексиканским драг-диллером Марио. К этому времени у Red Hot Chili Peppers вышел один альбом, и мы собирались ехать в Мичиган для записи следующего, но сперва наш менеджер, Линди, организовал нам выступление на дискотеке в стейкхаусе в Аризоне. Промоутер был нашим фанатом и был готов заплатить больше, чем мы, откровенно говоря, стоили, ну а мы все нуждались в деньгах, поэтому быстро согласились.

Разве что я чувствовал себя полнейшей развалиной. Но я ей всегда и становился, когда зависал с Марио. Это был удивительный персонаж. Стройный, жилистый и хитрый мексиканец. Выглядел как более высокая и сильная версия Ганди. Он носил большие очки, так что не казался ни ужасным, ни внушительным. Но всякий раз, нюхнув кокаина или героина, он начинал свою исповедь: «Пришлось кое с кем разобраться. Я костолом у мексиканской мафии. Получаю задание и даже не хочу знать подробностей. Просто делаю свою работу, заставляю людей платить». Невозможно было понять, было ли хоть что-то из его слов правдой. Он жил в старом восьмизэтажном кирпичном доме в центре, в убогой квартирке, которую делил со старухой-матерью, вечно тихонечко сидящей в углу крошечной гостиной и смотрящей мексиканские мыльные оперы. Время от времени слышались перебранки на испанском, и я спрашивал Марио, можно ли принимать прямо здесь — у него весь кухонный стол

был завален шприцами, таблетками, порошками, ложками, жгутами...

— Не парься. Она слепая и глухая, понятия не имеет, чем мы занимаемся, — уверял он. Так я и колол себе амфетамины, с бабулей в соседней комнате.

На самом деле Марио не был мелким барыгой — он был связан с оптовиками, так что за свой бакс ты мог подцепить у него нереальный стафф, но при условии, что поделишься с ним своей наркотой. Чем мы и занимались на его кухоньке. Там же с нами был и его брат, который только что вернулся из тюрьмы, а теперь сидел на полу, поднимая ор каждый раз, как не мог найти «рабочей» вены на ноге. Я тогда впервые увидел человека, который искололся настолько, что попросту закончились места на руках, из-за чего он был вынужден вводить наркотики в ногу.

Так тянулись дни. Доходило порой даже до попрошайничества, чтобы достать еще немного денег на кокаин. И вот однажды в 4:30 утра я осознал, что сегодня вечером у нас концерт.

«Окей, пора раздобыть наркоты, мне же ехать в Аризону, а я не очень-то себя чувствую», — подумал я.

Мы с Марио залезли в мой убогий зеленый «Студебекер» и отправились в самую дальнюю, жуткую и темную часть гетто в Даунтауне, на улицу, где вы в принципе не захотите оказаться, разве что ради цен — там самые низкие. Припарковали машину и прошли парочку кварталов, пока не оказались у полуразвалившегося старого здания.

— Поверь, ты не хочешь заходить внутрь, — сказал Марио. — Там может произойти что угодно и уж точно не что-то хорошее. Поэтому просто дай деньги, я достану дозу.

Какая-то часть меня говорила: «Боже, вот чего я точно не хочу, так это чтобы сейчас меня обокрали. Не очень это на него похоже, он так раньше не делал». Но другая, гораздо большая часть меня просто хотела героина, поэтому я отдал ему последние сорок долларов, и он скрылся в здании.

Я употреблял кокс столько дней подряд, что галлюцинировал, словно застряв между сном и реальностью. Мог думать

только о том, как он выйдет из здания с наркотой. Я снял свою главную ценность — винтажную кожаную куртку. Несколькоми годами раньше мы с Фли спустили все деньги, чтобы купить эти куртки. Она была мне практически как дом. Хранила мои деньги, мои ключи и, во внутреннем секретном кармашке, мои шприцы.

Меня сильно знобило, я был абсолютно опустошен. В конце концов просто сел на тротуар и накинул на грудь и плечи куртку, будто это одеяло.

«Давай, Марио, давай! Ты ведь уже должен спуститься», — повторял я про себя как мантру.

Я представлял себе преобразование его походки, когда он выйдет, — из спотыкающихся неуверенных шагов ничтожества в развеселую припрыжку парня, готового кольнуть. На мгновение закрыв глаза, я вдруг почувствовал тень, которая стремительно надвигалась на меня. Посмотрев через плечо, я увидел огромного, неповоротливого, грязного и очумевшего мексиканского индейца со здоровенными строительными ножницами — такими башку можно отрезать! Он уже замахнулся на меня, но я нагнулся так быстро, как только мог, увернувшись от удара. И тут появился второй мексиканский ублюдок, тощий и изворотливый, который выскочил передо мной с угрожающим выкидным ножом. Я мгновенно решил рискнуть ринуться на это пугало, чтобы не пропустить удар в спину от здоровяка. Все происходило очень быстро, но когда встречаешься со смертью лицом к лицу, попадаешь словно в слоумо-режим — вселенная будто замедляет время для тебя, любезно предоставляя шанс. Я вскочил и, держа перед собой куртку, набросился на тощего мексиканца. Куртка смягчила удар ножа, и, бросив ее, я помчался так, будто у меня в заднице римскую свечу зажгли. Бежал и бежал, не останавливаясь, пока не затормозил у своей машины, где понял, что ключей нет. Ни ключей, ни куртки, ни денег, ни шприцов, ни, что хуже всего, наркотиков. Да и Марио был совсем не из тех парней, кто стал бы меня искать. Пешком я дошел обратно до его дома. Уже рассвело, и мы должны были от-

правляться в Аризону через час. Я зашел в телефонную будку, наскреб мелочи и позвонил Линди.

— Линди, я на пересечении Седьмой и Альварадо. Я не спал, моя машина здесь, но ключей нет. Можете подобрать меня по дороге в Аризону?

Он уже привык к таким бедственным звонкам «от Энтони», так что часом позже синий фургон остановился на углу, загруженный оборудованием и участниками группы. И один грязный, в лохмотьях, угнетенный пассажир забрался на борт. Парни оказали мне холодный прием, поэтому я просто лег на пол фургона, положил голову между передними сиденьями и отключился. Через несколько часов проснулся весь мокрый, потому что лег прямо над двигателем и там было нереально жарко. Но чувствовал себя отлично. Мы с Фли приняли на двоих дозу ЛСД и просто порвали этот стейкхаус.

Для большинства людей зачатие — чисто биологический процесс. Но для меня очевидно, что в какой-то момент души сами выбирают себе родителей, потому что у потенциальных родителей есть определенные черты и ценности, которые будущий ребенок сможет ассимилировать в течение своей жизни. То бишь за двадцать три года до того, как очутиться на углу Седьмой и Альварадо, я распознал идеальных для меня родителей в двух прекрасных, но беспокойных людях: Джоне Майкле Кидисе и Пегги Нобел. Эксцентричность, творческая жилка и анти-элитарные взгляды отца вместе со всепоглощающей любовью, теплотой и трудолюбием матери были оптимальным для меня набором. Короче говоря, по моей на то воле или нет, я был зачат 3 февраля 1962-го года, чудовищно холодной и снежной ночью, в маленьком домике на вершине холма в Гранд-Рапидс, штат Мичиган.

По правде говоря, оба моих родителя были бунтарями, каждый по-своему. Семья отца перебралась в Мичиган из Литвы в начале прошлого века. Антон Кидис, мой прадед, был невысоким, коренастым, неприветливым и немного деспотичным человеком. В 1914-м родился мой дед, Джон Алден Кидис, пос-

ледний из пятерых детей. Семья переехала в Гранд-Рapidс. Там Джон поступил в старшую школу, где хорошо учился. Будучи подростком, он писал отличные рассказы и выступал на сцене с песнями, кося под Бинга Кросби.

Жить и воспитываться в семействе Кидисов значило никакой выпивки, сигарет и ругани. И у него никогда не возникало противоречий с таким строгим образом жизни.

Потом он встретил прекрасную женщину по имени Молли Ванденвин, в роду которой были англичане, ирландцы, французы и голландцы (а как мы недавно выяснили, и индейцы племени могижан, что объясняет мою тягу к культуре коренных народов Америки и духовную связь с Матерью Землей).

Мой отец, Джон Майкл Кидис, родился в Гранд-Рapidс в 1939-м. Четыре года спустя бабушка с дедушкой развелись, и папа остался жить с отцом, который в то время работал на заводе, производящем танки для фронта. Через несколько лет дед снова женился, и жизнь моего отца и его сестры стала веселее. Вот только он уже совсем не мог выносить тирании Джона Алдена. Ему приходилось работать в семейном бизнесе (автозаправка и бургерная забегаловка по соседству), он не мог проводить время с друзьями, гулять допоздна и даже думать о выпивке или сигаретах. Да еще его мачеха Эйлин была яркой последовательницей голландской реформистской церкви и заставляла ходить на службы пять раз в будни и три раза в воскресенье, вызвав у него в итоге отвращение к организованной религии.

В четырнадцать он сбежал из дома — просто сел на автобус до Милуоки, где перебивался тем, что тайком пробирался в кинотеатры и таскал пиво на пивоваренных заводах. Через некоторое время он вернулся в Гранд-Рapidс и поступил в старшую школу, где познакомился со Скоттом Сен-Джоном, привлекательным и распутным любителем приключений, который, в свою очередь, познакомил его с миром мелкой преступности. Рассказы отца об их похождениях всегда вгоняли меня в уныние, потому что обычно заканчивались позором.